Алексей Михайлович Белокрыс

Семен Елгаштин – полковник из старой песни

О некоторых малоизвестных эпизодах и участниках похода русской армии в 1875-1876 годах на Кокандское ханство – одно из могущественных тогдашних государств Средней Азии (Туркестана, по терминологии XIX века), в результате которого его территория вошла в состав России как Ферганская область Туркестанского генерал-губернаторства

Военная история России сохранила имена многих героев и полководцев. Но рядом с «большой» историей всегда жила народная память о людях и событиях, не вошедших в официальные анналы. Она передавалась из поколения в поколение через устные рассказы, предания, былины, солдатские и казачьи песни, которые подчас фиксировали неожиданные стороны войны и ее «второстепенные» эпизоды …

Целый пласт русских песен XIX века посвящен Кокандскому походу. Одна из них, сложенная в Сибирском казачьем войске, начинается словами:

Ну-ка, песенку споем:
Про походик мы начнем.
В семьдесят пятом году
Взбунтовал кипчак орду.

Хан свою землю кидал
И в края наши бежал.
Войско ж его поднялось,
У Тийлау собралось.

Наш полковник Елгаштин –
Он пошел с полком один.
Он пошел с полком один –
От Тийлау всех отбил.[1]

Мы знаем главных героев «походика» – генерал-лейтенанта Константина Петровича Кауфмана, возглавившего кампанию, и полковника Михаила Дмитриевича Скобелева, взявшего Андижан, Ош и сам Коканд. Но кто такой полковник Елгаштин, о котором поется в песне и имени которого мы не найдем ни в одном учебнике? Кого и как он «отбил» от Тийлау и где это место? Думается, нашему современнику будет небезынтересно познакомиться с его судьбой.

Итак, Семен Алексеевич Елгашти́н родился в 1829 году. Как известно из его послужного списка, хранящегося в Российском государственном военно-историческом архиве[2], он происходил из казачьих детей Тобольской губернии, то есть был потомственным, или, как тогда говорили, «природным» сибирским казаком. Учился в Войсковом казачьем училище Сибирского линейного казачьего войска в городе Омске – старейшем в Сибири военном учебном заведении (основано в 1813 году; с 1846-го – Сибирский, а затем Омский кадетский корпус). В течение девятилетнего курса детей рядовых казаков и казачьих офицеров обучали грамоте, арифметике, геометрии, алгебре, топографии и разнообразным военным дисциплинам. Здесь преподавали образованнейшие люди Западной Сибири: естествоиспытатели, путешественники, литераторы, историки. Воспитанники, помимо собственно военно-учебной подготовки, устраивали литературно-музыкальные вечера, ставили спектакли, посещали научно-популярные лекции, концерты и экскурсии[3]. Выпускниками этого учебного заведения были многие известные люди, в числе которых – выдающийся географ и этнограф, исследователь Центральной Азии и Сибири Григорий Николаевич Потанин, Верховный главнокомандующий русской армии (1917) генерал Лавр Георгиевич Корнилов, известный советский государственный деятель Валериан Владимирович Куйбышев, герой Великой Отечественной войны генерал Дмитрий Михайлович Карбышев.

В задачи Сибирского казачьего войска входило поддержание внутреннего порядка на огромных степных пространствах, а также защита от любых внешних нападений. Для этого была устроена целая сеть укреплений, постов и пикетов, на которых дежурили отряды казаков. Время от времени приходилось отражать и набеги кокандцев, занимавшихся грабежом, угоном скота и захватом людей с целью продажи в рабство. В период так называемой «льготы» (после прохождения полевой службы) казаки жили в своих станицах и имели возможность заниматься личным хозяйством. Они находились практически на полном государственном обеспечении: получали от казны провиант, фураж, боеприпасы, медицинское обслуживание. А еще – денежное жалованье, размер которого, к примеру, у старшего урядника составлял тогда 10 рублей 65 копеек серебром в год[4] (не так уж и много: приличная лошадь в тех местах стоила 15-20 рублей). Кроме того, им предоставлялись обмундирование, вооружение, строевая лошадь с упряжью.

Вот как описывал свои впечатления от казачьей службы один из армейских офицеров, приехавших из Европейской России в Сибирь: «Мне любопытно было познакомиться поближе с жизнью этих казаков-пустынников. Все они посылаются в степь только на двухгодичный срок, по окончании которого возвращаются в свои станицы отдохнуть

Здание Омского кадетского корпуса. *Фотография И. Е. Кесслера. 1880-е годы*

от претерпленных трудностей и опасностей и собраться с силами для новых подвигов. Опасности для удалого казака, конечно, нипочем; без них он бы совершенно стосковался в своем уединении, вдали от семейства и родственников. В особенности зимою степная жизнь делается, по-видимому, несносною своим однообразием. Беспредельная снежная пустыня вокруг одинокого жилья; бураны, не позволяющие показать носу за дверь; вой голодных волков да изредка какой-нибудь проезжий по собственной или казенной надобности – вот все, что напоминает об остальном мире этим затворникам»[5].

Кроме того, казачьим отрядам приходилось защищать частные золотые прииски Сибири. Эта служба являлась по сути полицейской и состояла главным образом в пресечении хищений золота рабочими, предотвращении среди них пьяных драк и беспорядков. Для казаков она была менее обременительна, чем полевая служба. К тому же здесь имелась возможность подзаработать: хозяин платил казакам «порционные» деньги, а в свободное от службы время они нередко и сами мыли золото. Иные трудолюбивые казаки получали на приисках суммы, многократно превышавшие казенное жалованье.

Однако вернемся к нашему герою. В 1848 году после окончания училища он был выпущен старшим урядником (соответствует званию старшего сержанта в современной армии) в 1-й Сибирский казачий полк, штаб-квартира которого располагалась в крепости Пресновской (примерно в 130 километрах к западу от Петропавловска) на западном фланге Сибирского казачьего войска. Через два года Елгаштин – уже хорунжий, затем сотник, а с 1851 года – полковой адъютант и квартирмистр (квартирмейстер, отвечавший в полку за делопроизводство и хозяйственную часть).

В 1855 году Семен Елгаштин командируется в Образцовый кавалерийский полк, дислоцированный под Санкт-Петербургом. В это время заканчивалась Крымская война, и почти сразу Елгаштина, едва успевшего прибыть к новому месту службы, направили в Выборгский уезд – в состав войск, охранявших Балтийское побережье (Россия была вынуждена держать здесь мощную военную группировку на случай высадки англо-французского десанта). В 1858 году за эту краткую командировку сибирского казака наградили медалью «В память войны 1853-1856 годов».

Вернувшись в Сибирь в 1858 году уже есаулом, Елгаштин продолжил службу на военно-административном поприще. Он последовательно занимал должности асессора войскового правления, старшего адъютанта войскового дежурства, командира войсковой учебной сотни в Омске. В 1862 году стал войсковым старшиной, был награжден орденами Святого Станислава и Святой Анны (оба 3-й степени, 1860), премирован годовым (1858) и полугодовым (1864) окладами жалованья.

МЫ ЗНАЕМ ГЛАВНЫХ ГЕРОЕВ КОКАНДСКОГО ПОХОДА – ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА К. П. КАУФМАНА И ПОЛКОВНИКА М. Д. СКОБЕЛЕВА. НО КТО ТАКОЙ ПОЛКОВНИК ЕЛГАШТИН, ИМЕНИ КОТОРОГО МЫ НЕ НАЙДЕМ НИ В ОДНОМ УЧЕБНИКЕ?

В 1867 году Семен Елгаштин становится командиром Томского казачьего отряда, охранявшего частные золотые прииски. В 1871-м производится в подполковники. С 1872 года он – чиновник особых поручений Войскового хозяйственного правления – высшего органа управления экономической жизнью Сибирского казачьего войска. В 1873 году подполковник Елгаштин назначается командиром 1-го полка Сибирского казачьего войска.

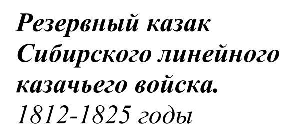
Ранее сибирские казаки служили в Средней Азии отдельными сотнями (одной из них, кстати, в 1870 году командовал молодой штаб-ротмистр М. Д. Скобелев, которому еще предстоит появиться в нашей истории). В 1873 году из двух сотен, уже находившихся здесь на службе, и четырех сотен новобранцев в станице Кокчетавской был сформирован отдельный полк шестисотенного состава. Во главе этого полка новоиспеченный командир в первой половине мая 1873 года выступил на юг, в далекий Туркестан. Путь занял 58 дней. Сибирские казаки рассредоточились вдоль Ташкентско-Казалинского тракта и расквартировались в Таш-

Парадная и праздничная форма Сибирского и Семиреченского казачьих войск. *1867 год*

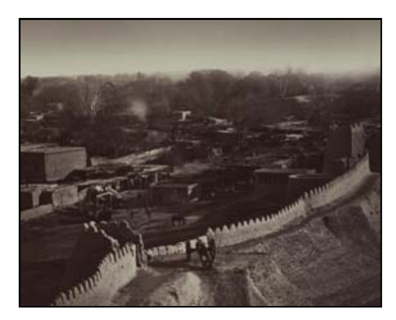

Здание войскового хозяйственного правления Сибирского казачьего войска в Омске. *Фотография Г. Е. Катанаева. 1896 год*

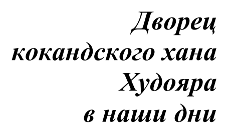

Резервный казак Сибирского линейного казачьего войска. *1812-1825 годы*

Городская стена и базарная площадь в Ходженте. *Фотография 1860-х годов*

Дворец кокандского хана Худояра в наши дни

Кокандский хан Худояр. *Фотография 1860-х годов*

кенте, Чимкенте, Аулие-Ата (в советское время город Джамбул, ныне город Тараз в Казахстане), в укреплении Джулек и Форт-Перовском (в советское время город Кзыл-Орда, ныне Кызылорда в Казахстане). Командир и штаб полка разместились в Ташкенте при штаб-квартире Туркестанского военного округа.

Постоянные нападения отрядов из Бухарского, Хивинского и Кокандского ханств на русские торговые караваны и пограничные земли, а также угроза экспансии Великобритании в Туркестанском регионе побудили Россию еще в середине XIX века активизировать здесь свою политику. В 1864 году войска генерала М. Г. Черняева взяли Ташкент. В конце 1860-х – начале 1870-х годов генерал К. П. Кауфман установил протекторат России над Хивинским и Бухарским ханствами. Продвигаясь на юг, русские стали непосредственными соседями Коканда. Сотрясаемое дворцовыми переворотами и внутренними этническими противоречиями, это ханство доставляло России много беспокойства. Хан Худояр немилосердно обирал подданных при помощи системы хитроумных налогов. Его жадность и жестокость явились основной причиной Кокандского восстания 1873-1876 годов. К лету 1875 года недовольство народа достигло крайних пределов. Заговор возглавил ближайший помощник хана Абдурахман-автобачи, кипчак по национальности (отсюда «взбунтовал кипчак орду»). Раздавались призывы к войне с «неверными». Худояр вместе с многочисленными женами и слугами бежал из столицы через Ходжент (в советское время город Ленинабад, ныне город Худжанд в Таджикистане) к Ташкенту, рассчитывая на помощь России. Сопровождал беглого хана М. Д. Скобелев с небольшим отрядом[6]. Вот как описывал очевидец событий настроения, охватившие Ташкент: «Я <…> решительно не подозревал, какое смятение в городе произвело бегство Худояр-хана. Приглядевшись попристальнее в соседние дворы, я нашел, что арбы у всех разобраны и лежат под навесами, лошади почему-то заботливо подчищаются, в саклях пусто, кроме кошем и дешевой посуды ничего не видно. Затем в городе разнесся слух, что ташкентцами получено много прокламаций от Абдурахман-автобачи, призывающих к восстанию против русских, которым адресованы были также особые приглашения: им предложено было немедленно принять мусульманство или же выехать из пределов Туркестана в Россию. Автобачи был даже настолько добр, что в случае избрания русскими последнего исхода, обещал дать перевозочные средства до Казалинска.

С этого-то времени в Ташкенте началось серьезное волнение: сарты (оседлые узбеки – ***А. Б.***)

ломали арбы, чтобы уклониться от поставки их для предполагавшегося похода, закапывали в землю свое имущество и т. п. Кроме того, в азиатской части города туземцы сделались менее вежливы в обращении с русскими; на базарах вокруг откуда-то появившихся дервишей собирались толпы народа, жадно слушавшего их воинственные проповеди. Все это не предвещало ничего доброго. Русские, жившие на дачах, спешили перебраться в русскую часть под защиту пушек»[7].

Кокандцы рассчитывали поднять на «газават» против русских полукочевое население Ахангаранской долины, перерезать сообщение между Ходжентом и Ташкентом. Их первые отряды 5 и 6 августа 1875 года общим числом около десяти тысяч человек перешли Кура́нский хребет через перевал Кендыр-Даван[8] и спустились в долину реки Ахангара́н – российскую территорию, входящую в Кураминский уезд Сыр-Дарьинской области. 8 августа они совершили нападения на ряд почтовых станций в Ферганской долине, захватив пленных. 9 августа кокандцы начали штурм Ходжента.

Генерал-губернатор К. П. Кауфман прибыл в Ташкент 1 августа 1875 года, чтобы лично возглавить поход против мятежного Абдурахмана. Часть офицеров, не участвовавших в покорении Хивы (1873), с нетерпением ожидала случая отличиться в предстоящих боях. Мы не знаем, охватили ли те же чувства подполковника Елгаштина, однако именно ему предстояло вступить в дело одним из первых.

Незадолго до этих событий в 1-м Сибирском полку был сформирован ракетный дивизион, а из Сибири прибыли две сотни новобранцев: им предстояло сменить казаков, уходивших «на льготу» после трехлетней полевой службы. Даже был назначен день их отправки на родину, однако весть о вторжении кокандцев в Кураминский уезд внесла свои коррективы. Нам небезынтересно узнать, когда и при каких обстоятельствах Елгаштин «пошел с полком один – от Тийлау всех отбил» и как это повлияло на ход Кокандской войны.

В ночь с 6 на 7 августа подполковник получил приказ: вместе с военным губернатором Сыр-Дарьинской области, генералом Николаем Никитичем Головачевым немедленно вести полк и дивизион Оренбургской конной батареи в кишлак Той-тюбе (в советское время – Тойтепа) на ташкентско-ходжентском тракте и двумя сотнями обеспечить безопасное движение бежавшего из Коканда хана Худояра. Оставшиеся сотни должны были двинуться в Ахангаранскую долину на выручку гарнизону небольшого укрепления у кишлака Теляу (Тийлау, о котором поется в песне)[9], вблизи которого скопились неприятельские «шайки»[10]. Штурмовать укрепление кокандцы не решились, а с прибытием казачьего отряда и вовсе отошли от Теляу к кишлаку Карактай (в советское время – Карахтай). Объединенный отряд двинулся от Теляу к Карактаю, где столкнулся с кокандским отрядом под командованием Зюльфакар-бека, кипчака из Намангана, близкого соратника мятежного Абдурахмана. Подробностей этого боя мы не знаем, но, по донесению Н. Н. Головачева, которое он отправил командующему войсками Туркестанского военного округа генералу Кауфману, неприятельский отряд был разбит, а его остатки рассеялись по долине до ущелья Наугарзан (долина одноименной реки, левого притока Ахангарана). Сам Зюльфакар бежал обратно в Кокандское ханство[11].

Шайка Зюльфакара была не единственной, действовавшей в долине. Поэтому отряд Головачева продолжил поиски и вновь обнаружил неприятеля в ночь с 11-го на 12-е августа, которая и стала «звездным часом» подполковника Елгаштина. На сей раз одну из «шаек» заметили в ущелье Ургаз, и казаки выдвинулись туда. Если до этого полком и объединенным отрядом командовал лично генерал Н. Н. Головачев, то теперь он остался в лагере, а Елгаштину предоставил свободу действий.

В ущелье полк застал врасплох отряд неприятеля численностью до тысячи человек. Быстро сориентировавшись в обстановке, подполковник организовал наступление по всем правилам боевого искусства: две сотни ударили во фронт, а еще две – с флангов. Прижав противника к скалам, казаки спешились и продолжили бой. Портупей-юнкер Александров с шестью казаками по трудной горной тропе зашел «шайке» в тыл и повел снайперскую стрельбу, что еще больше увеличило панику. 80 человек попытались было выбраться из ущелья, однако урядник Василий Путинцев (позже он отличился и при штурме Андижана, одним из первых преодолев завалы) со взводом казаков 4-й сотни блокировал выход. Кокандцы метались, надеясь укрыться в расщелинах гор, побросав вещи и оружие. Окончательно довершила поражение неприятеля лихая атака 3-й и 4-й сотен.

«Дело» Елгаштина в Ургазе стало первым крупным поражением сторонников Абдурахмана с момента их вторжения в российские пределы. Согласно донесению генерала Н. Н. Головачева, потери противника составили пятьсот человек, было захвачено много оружия, а также несколько десятков лошадей. Генерал-губернатор К. П. Кауфман распорядился выпустить на местных языках прокламации, извещавшие об этой победе, и разослать их во все крупные населенные пункты края, что произвело отрезвляющее действие на сторонников кокандцев, вдохновленных слухами о вымышленных победах Абдурахмана над русскими.

Генерал-губернатор высоко оценил заслуги сибирцев: четырнадцать нижних чинов полка получили награды, а сам Елгаштин – золотую шашку с надписью «За храбрость».

БЫСТРО СОРИЕНТИРОВАВШИСЬ В ОБСТАНОВКЕ, ЕЛГАШТИН ОРГАНИЗОВАЛ НАСТУПЛЕНИЕ ПО ВСЕМ ПРАВИЛАМ БОЕВОГО ИСКУССТВА: ДВЕ СОТНИ УДАРИЛИ ПРОТИВНИКУ ВО ФРОНТ, А ЕЩЕ ДВЕ АТАКОВАЛИ С ФЛАНГОВ

Однако, как это ни странно, ургазский триумф стал для подполковника первым и последним в Кокандском походе. Он дошел до Ходжента, а оттуда внезапно был отослан обратно в Ташкент, где ему поручили командовать остатками полка – командой казаков при полковом штабе, полусотней и двумя сотнями, оставленными, соответственно, в Теляу и Пискенте. Всего лишь! Участие Елгаштина в походе тем самым окончилось: больше появиться в действующих частях ему не довелось.

Что же случилось в продолжение нескольких дней между событиями в ущелье Ургаз и отсылкой Елгаштина из Ходжента, что так круто повлияло на его судьбу? Читателю предлагается лишь гипотеза, основанная на мнении очевидца событий сотника Н. А. Симонова. В своих воспоминаниях, изданных спустя 25 лет (см. сноску 17), он писал, что

после прибытия из Ахангаранской долины в Ходжент Елгаштин рассорился с М. Д. Скобелевым. С тем самым – будущим боевым генералом, героем Плевны и Шипки. Вначале, по прибытии в Ташкент в мае 1875 года, полковник генерального штаба флигель-адъютант Скобелев сдружился с казачьим командиром Елгаштиным, хотя общего у них было мало. Михаил Скобелев – сын генерал-лейтенанта, в детстве получивший образование в доме министра Императорского двора и уделов графа А. В. Адлерберга, успешный тридцатилетний полковник с высокими покровителями в столице. Семен Елгаштин – «природный» сибирский казак, подполковник 46 лет, который заработал свой чин не связями и не подвигами, а долгой усердной службой.

МОЖНО ПРЕДСТАВИТЬ СЕБЕ РАЗОЧАРОВАНИЕ СКОБЕЛЕВА, КОГДА ГОНЕЦ СООБЩИЛ, ЧТО ОТРЯД КОКАНДЦЕВ РАЗБИТ КАЗАКАМИ ЕЛГАШТИНА! ПОДПОЛКОВНИК «ОТ СОХИ» «УВЕЛ» У НЕГО ПОБЕДУ, КОТОРАЯ БЫЛА ТАК БЛИЗКА!

Скобелев, человек, по общему мнению, фантастического честолюбия, приехал в Туркестан с непоколебимой решимостью продолжить стремительное движение к славе, новым наградам и чинам. Перед отъездом из Санкт-Петербурга в начале 1875 года он уверял знакомых, что непременно станет начальником военной экспедиции против Кокандского ханства, хотя никакие военные действия в то время еще не планировались. Карьера же Елгаштина, очевидно, шла к закату: максимум, на что он мог рассчитывать, – звание полковника и спокойная старость в казачьей станице.

Михаил Скобелев и Семен Елгаштин находились неподалеку друг от друга в Ахангаранской долине. 11 августа генерал К. П. Кауфман, обеспокоенный слухами о появлении кокандцев всего в сорока верстах от Ташкента в районе Паркента, выслал туда летучий отряд в составе двух оренбургских сотен и ракетного дивизиона 1-го Сибирского казачьего полка. Командование отрядом было поручено Скобелеву. На рассвете Скобелев покинул Ташкент и двинулся к Паркенту. Цель экспедиции: предупредить возможный прорыв кокандцев из Ахангаранской долины к Ташкенту. О действиях этого отряда известно благодаря воспоминаниям артиллерийского капитана М. А. Михайлова, который командовал в нем сибирским ракетным дивизионом.

Подойдя вечером 11 августа к предгорьям Чаткальского хребта в районе Паркента, Скобелев остановился на ночлег и послал гонца в отряд Головачева. За ужином он предложил своим офицерам план: «подкормив слегка лошадей, двинуться прямым путем через горы к Аблыку и на рассвете напасть на неприятеля, если он до сих пор не потревожен отрядом Головачева»[12]. Мы не знаем точной диспозиции, данной Кауфманом отряду Скобелева, но можем с уверенностью предположить, что этот импровизированный план едва ли ей соответствовал. Скобелев предполагал уйти из назначенного района дислокации, фактически оголив ближние подступы к Ташкенту.

Нет сомнений, что им двигало не что иное, как непомерное честолюбие, желание как можно скорее «заработать очки» в виде боевых побед, не останавливаясь и перед прямым неисполнением приказа. Именно так случилось и два года назад при взятии Хивы. Тогда Скобелев легко нарушил предельно ясный приказ «стоять на месте и не лезть вперед» и ворвался в город. Хива между тем уже соглашалась на перемирие и не оказывала сопротивления, однако Скобелев самовольно занял ханский дворец. Эта, по меткому выражению авторитетного военного историка М. А. Терентьева, «потешная оперетка» была разыграна единственно из желания любой ценой опередить экспедиционный отряд, которым командовал К. П. Кауфман, и первым доложить о взятии города, хотя Хива уже сдавалась безо всяких условий. Поговаривали, что и сама идея «как бы боевого» взятия Хивы принадлежала Скобелеву[13]. Позже, в конце Кокандского похода при взятии столицы в феврале 1876 года полковник, грезивший «о доблестях, о подвигах, о славе» и отлично знавший, что занять Коканд приказано не ему, а генералу Г. А. Колпаковскому, тем не менее вошел в город на 12 дней раньше назначенного срока и «увел Коканд из-под носа» у Колпаковского. М. А. Терентьев, вообще дававший Скобелеву весьма нелестные оценки, отмечал его «ненасытную жажду <…> к отличиям и славе, а также <…> увертливость перед начальством»[14].

Не беремся судить, насколько оправданы в целом столь резкие суждения, но очевидно одно: Скобелев горел желанием «увести» у отряда Головачева какую-нибудь (желательно главную) победу над кокандскими «шайками» в долине. С его «планом» согласились оба сотенных командира, но капитан М. А. Михайлов неожиданно возразил. Правда, при этом он не сослался на необходимость соблюдения приказа, а посчитал, что Головачев едва ли позволит кокандцам так долго спокойно пребывать в долине и сам их разобьет. Капитан вспоминал: «Странно как-то взглянул на меня Михаил Дмитриевич: как будто удивился моей дерзости, или заподозрил в трусости. И теперь еще раскаиваюсь, что позволил себе сделать возражение, хотя и вполне основательное: ему, конечно, тяжело было заметить недостаток энергии в командире ракетного дивизиона, так необходимого, как он заявил сам, в предстоящих набегах»[15]. Михайлову и в голову не приходило, что Скобелев увидел в нем отнюдь не «недостаток энергии», а досадное препятствие в реализации своих честолюбивых планов.

На этот раз Михаил Дмитриевич все же решил не трогаться с места до получения вестей из отряда Головачева. Можно представить себе его разочарование, когда гонец сообщил, что в ночь с 11 на 12 августа отряд кокандцев разбит казаками Елгаштина! Подполковник «от сохи» «увел» у него – самого Скобелева – победу, которая была так близка, прогремев на весь Туркестан! Делать в Паркенте было уже нечего, и Скобелев двинул свой отряд на соединение с главными силами генерала Кауфмана. Капитан Михайлов свидетельствует: «Всю дорогу Скобелев был не в духе, несколько раз высказывая сожаление о *потерянном деле* (выделено нами – ***А. Б.***)»[16].

14 августа 1875 года К. П. Кауфман назначил М. Д. Скобелева начальником кавалерии отряда вторжения. Надо думать – с правом предлагать, кого именно из кавалерийских офицеров включить в состав отряда. Елгаштин, как мы знаем, такой чести не удостоился.

Что произошло между бывшими друзьями, с уверенностью едва ли кто может поведать. Одни

говорили, что Елгаштин сказал какую-то дерзость Скобелеву, другие – что Скобелев распорядился какой-то сотней помимо командира полка и это вызвало протест у Елгаштина[17]. На наш взгляд, в предстоящем походе на Коканд Михаил Дмитриевич вовсе не нуждался в самостоятельных способных соперниках, каким был Елгаштин …

Вернувшись в Ташкент, подполковник до весны 1876 года руководил вверенными ему немногочисленными подразделениями, которые выполняли важные, но все же второстепенные задачи: конвоирование почты и разнообразных проезжающих, охрана сообщений между Ходжентом и Ташкентом от возможного вторжения кокандских отрядов из Ахангаранской долины. Авторы «Краткого исторического очерка Первого Сибирского <…> кадетского корпуса» (1915) сообщают, что при штурме Андижана (октябрь 1875 года) Елгаштин якобы «под градом пуль первый с тремя сотнями казаков ворвался в город и занял цитадель и ханский дворец»[18]. Видимо, за давностью лет при составлении «Очерка» произошла досадная ошибка: находясь в это время в Ташкенте, подполковник, как мы видели, в октябрьском штурме Андижана не участвовал. Боевые действия в Ахангаранской долине – единственные «дела против неприятеля», указанные в его послужном списке.

В мае 1876 года Елгаштин был освобожден от занимаемой должности командира, а в октябре сдал полк подполковнику И. И. Порембскому. Три года пребывал в нестроевом составе, после чего занимал различные административные должности в Сибирском казачьем войске. В 1879 году за 25-летнюю службу получил орден Святого Владимира 4-й степени с бантом. Пиком карьерного роста Семена Елгаштина стал 1881 год: 26 февраля его произвели в полковники (к слову сказать, за полтора месяца до этого Скобелев, тогда уже генерал-лейтенант, взял штурмом главную туркменскую цитадель – крепость Геок-Тепе). В том же году Елгаштина перевели в Усть-Каменогорск – в штаб-квартиру 3-го военного отдела Сибирского казачьего войска, где он и прожил остаток дней.

Семен Алексеевич был дважды женат. От первого брака имел сыновей Алексея (1858), Евгения (1859) и Ивана (1863) – позже все они, как и отец, служили в Сибирском казачьем войске. Вторым браком он женился на дочери коллежского асессора Татьяне Григорьевне Тутолминой, с ней имел детей Александра (1875), Виктора (1877), Юлианию (1878), Владимира (1881) и Илью (1883). В воздаяние беспорочной службы и боевых заслуг в 1882 году Войско предоставило ему в потомственную собственность земельный участок в 1306 десятин.

Скончался наш герой в 1885 году, на три года пережив своего туркестанского «друга» Михаила Дмитриевича Скобелева. Был отпет в усть-каменогорской Троицкой церкви (сейчас она

Дом военного губернатора Сыр-Дарьинской области в Ташкенте.
Фотография 1860-х годов

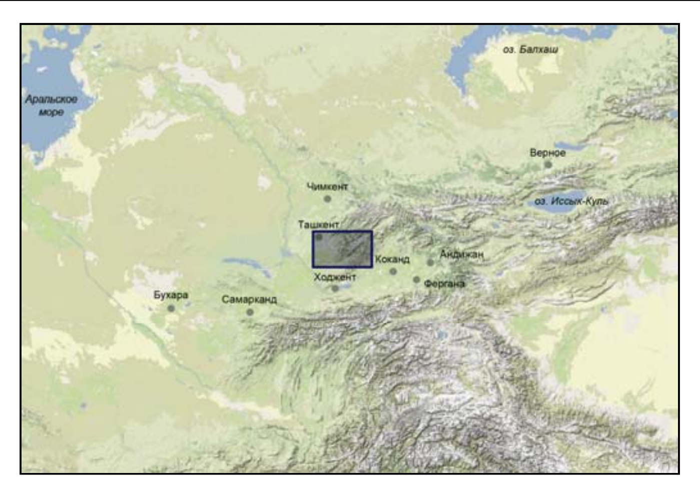
Константин Петрович Кауфман.
Фотография 1860-х годов

Николай Никитич Головачев.
Фотография 1860-х годов

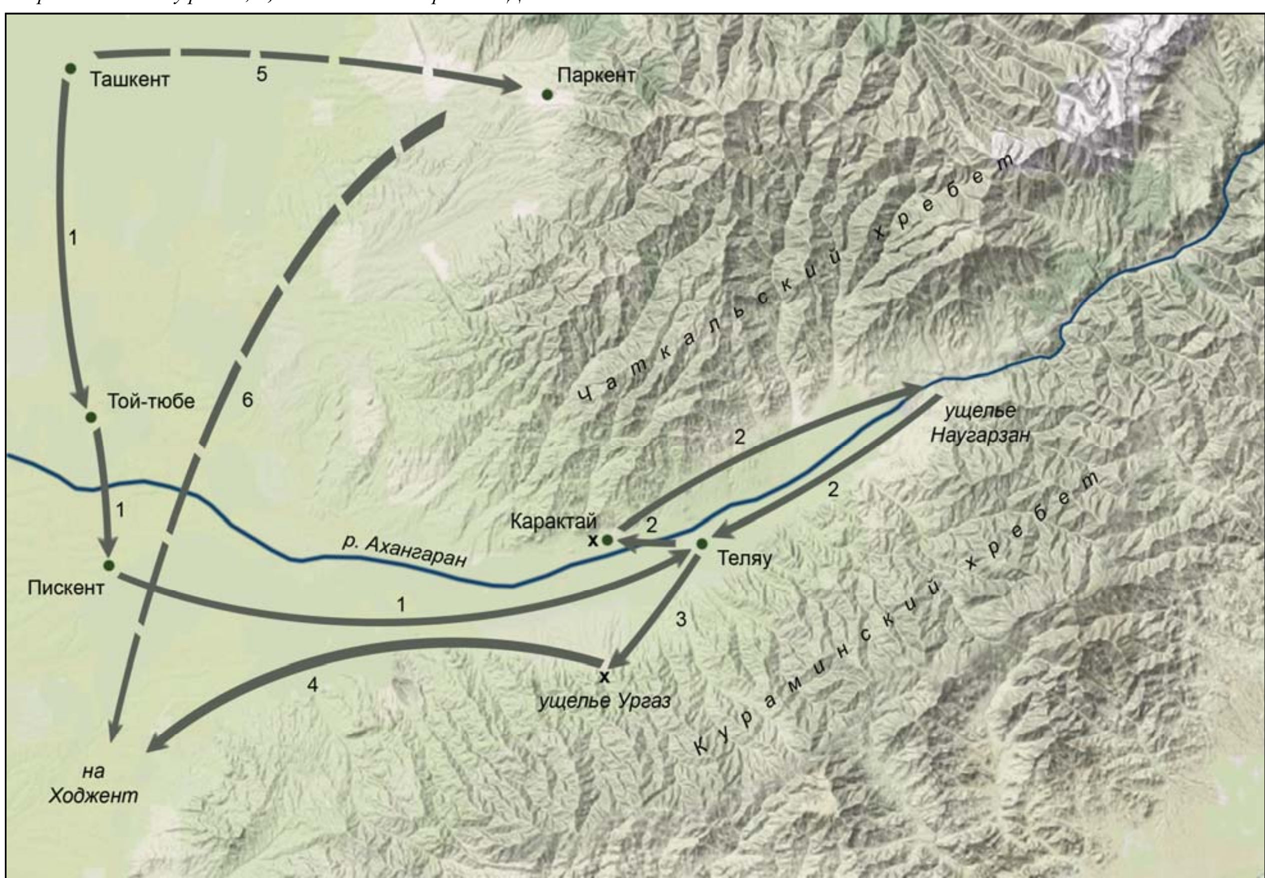
В русской части Ташкента.
Фотография 1860-х годов

Вид и карта Ахангаранской долины

Действия 1-го Сибирского казачьего полка в Ахангаранской долине 6-14 августа 1875 года.
Реконструировано автором по описаниям М. А. Терентьева, Н. А. Симонова, Н. Г. Путинцева и собственным изысканиям: ***1*** *– переход из Ташкента через Той-Тюбе к укреплению Теляу;* ***2*** *– движение к Каракпаю и преследование «шайки» Зюльфакар-бека;* ***3*** *– переход к ущелью Ургаз и стычка с кокандцами;* ***4*** *– выход из долины на соединение с отрядом К. П. Кауфмана;* ***5, 6*** *– движение отряда М. Д. Скобелева*

находится на территории Свято-Троицкого мужского монастыря) и похоронен на городском кладбище.

В списке выпускников Сибирского кадетского корпуса за 1880 год (тогда он назывался Сибирской военной гимназией) упоминается Иван Елгаштин 3-й[19]. Учитывая совпадение фамилии (довольно редкой) и дат, мы можем уверенно предполагать: речь идет о сыне Семена Елгаштина. Он был выпущен по первому разряду в 1-е военное Павловское училище, откуда вышел в 1882 году портупей-юнкером[20]. Его жена Мария Николаевна, урожденная Давидович-Нащинская (1873-1966) – известный живописец, график, театральный художник, основательница первого в Башкирии кукольного театра. Их дочь Зинаида (1897-1979, в замужестве Сомова) – балерина, училась у Вацлава Нижинского, одновременно занималась художественной аппликацией[21]. Была знакома с Максимилианом Волошиным, в 1920-е годы несколько раз гостила у него в Коктебеле; опубликованы ее воспоминания об этих встречах[22].

Личность С. А. Елгаштина интересна еще и тем, что с его именем в Сибирском казачьем войске связывали почти анекдотическую историю. Одна из сибирских казачьих песен повествует о том, как в 1877 году сибирские казачьи офицеры прогуливались по Ташкенту, навещая то одного, то другого товарища. Текст песни, опубликованный в 1916 году[23], снабжен следующим комментарием:

Михаил Дмитриевич Скобелев.
Фотография 1880-х годов

«В 1877 году в г. Ташкенте, в саду Минг-урюк, было устроено грандиозное гулянье для всей местной знати; участвовал весь гарнизон и песенники от всех частей его; но офицеры и песенники 1-го Сибирского казачьего (ныне Ермака Тимофеева) полка, в силу каких-то неприязненных отношений одного из влиятельных начальников гарнизона к командиру этого полка полковнику Елгаштину, не были приглашены на гулянье.

Обстоятельство это крепко обидело полковника Елгаштина; он, подкутивши с офицерами, повел свой полк на прогулку по городу, затем прибыл к месту гулянья, спешил казаков и приказал им атаковать сад Минг-урюк, чем привел всю публику в сильное смущенье».

Неужели Семен Елгаштин, боевой командир, и в самом деле оказался настолько горяч, что решился, вступившись за честь полка, «штурмовать» мирный сад, наполненный самой высокопоставленной публикой? Нам не удалось обнаружить каких-либо подтверждений этому. В действительности сад вблизи древнего городища Минг-урюк («Тысяча абрикосов») в городе существовал и служил местом празднеств и гуляний, вероятно, с самого момента взятия Ташкента. Однако вызывают сомнения несколько обстоятельств. Вспомним: в 1877 году Елгаштин – уже не командир полка, но еще не полковник, как утверждают авторы комментария. Более того, сдав полк в октябре 1876 года, он, по-видимому, уехал из Туркестана в Сибирское казачье войско, и в 1877-м его попросту не было в Ташкенте. Трудно даже представить, чтобы столь дерзкий проступок никак не отразился в послужном списке офицера, хотя бы в форме самого минимального взыскания по службе. А в послужном списке С. А. Елгаштина таких следов нет. С другой стороны, зная своеобразные нравы «господ ташкентцев» тех времен, можно и допустить, что в основе приводимого описания лежит некий реальный инцидент, сошедший подполковнику с рук. Так что вопрос этот, в отличие от «дела под Теляу», мы оставляем открытым.

---

[1] Песни Сибирских казаков. Издание Сибирского казачьего войска. Пг., 1916. Вып. 1. № 40.
[2] РГВИА. Ф. 330, оп. 29, д. 260, лл. 8-14.
[3] *Вибе П. П., Михеев А. П., Пугачева Н. М.* Омский историко-краеведческий словарь. М., 1994. С. 242-244.
[4] *Недбай Ю. Г.* Сибирское казачье войско. Кн. 3 (1846-1861). Омск, 2004. С. 349.
[5] Четыре месяца в Киргизских степях (Из записок офицера, участвовавшего в экспедициях против киргизских мятежников) // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. 1849. Т. 78. № 310. С. 128-129.
[6] И хотя сам по себе низложенный хан России был не интересен, однако его убийство нанесло бы чувствительный удар по престижу всей русской власти в крае: ведь Худояр бежал из Коканда под ее защиту и покровительство.
[7] *Михайлов М. А.* Поход в Коканд в 1875 году: Из записок артиллериста. Отдельный оттиск из газеты «Туркестанские ведомости» (1884, №№ 3, 10-13). Ташкент, 1884. С. 2.
[8] Встречаются также написания: Кандыр-Даван, Кандырдаван, Кендырь-Даван.
[9] В исторической литературе встречаются также написания: Тиляу, Тийляу, Тийлау, Тилляу. Советское географическое название – Телав, современное – Телов.
[10] Кокандские отряды вообще редко имели настоящую регулярную военную организацию, поэтому, по устоявшейся традиции, русские именовали их тогда «шайками» или «скопищами».
[11] Впоследствии он был взят в плен и под именем Зюльфакар Мухамед Аюб Усталибов с 1876 г. находился в ссылке в г. Каргополе Олонецкой губ. (Петричева И. С. Политическая ссылка в Олонецкой губернии в конце XIX – начале XX вв. // Аннотированный перечень документов Национального архива Республики Карелия о деятельности иностранцев и иностранных переселенцев в Карелии. – 2000 (http://archives.karelia.ru)).
[12] *Михайлов М. А.* Указ. соч. С. 3.
[13] *Терентьев М. А.* История завоевания Средней Азии. СПб., 1906. Т. 2. С. 260.
[14] Там же. С. 394.
[15] *Михайлов М. А.* Указ. соч. С. 3.
[16] Там же.
[17] *Симонов Н. А.* Очерк службы № 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеева полка. М., 1901. С. 66.
[18] Краткий исторический очерк Первого Сибирского Имп. Александра I кадетского корпуса. 1813-1913. М., 1915. С. 360.
[19] Там же. С. 407.
[20] http://pvu1863.ucoz.ru
[21] Информация предоставлена внучкой И. С. Елгаштина Марианной Борисовной Беляевой, ныне проживающей в Москве.
[22] *Елгаштина З.* Коктебель и его легенды // Воспоминания о Максимилиане Волошине. М., 1990 (электронный текст опубликован на сайте «Библиотека проекта «Русская планета»» http://lingua.russianplanet.ru, здесь же приведены биографические данные З. И. Елгаштиной).
[23] Песни сибирских казаков. Указ. изд. № 45.

Все иллюстрации, кроме тех, чье авторство указано, взяты из следующих источников: «Туркестанский альбом. По распоряжению Туркестанского генерал-губернатора генерал-адъютанта К. П. фон Кауфмана 1-го. Часть этнографическая. 1871-1872 г. Часть историческая. 1871-1872 г.», http://www.memorandum.ru, http://orexca.com/rus/kokand_museum.shtml, http://lj.rossia.org, http://www.grobyatina.ru, http://www.loc.gov